

Между тѣмъ, эти тревоги и хлопоты не остались безъ слѣда на здоровьи автора, отвыкшаго въ Италіи отъ русскихъ морозовъ—онъ очень страдалъ во все пребываніе въ Москвѣ сильнымъ расстройствомъ нервъ, сопровождавшимся страшными припадками, обмороками и даже впадениемъ въ сомнамбулистическое состояніе; но кромѣ физическихъ страданій были у Гоголя и нравственныя непріятности, совершенно отравившія его жизнь въ столицѣ. Его особенно удручали обострившія отношенія съ Погодинымъ, который въ свое время оказалъ нуждавшемуся писателю не мало услугъ матеріальнаго характера, а теперь настоятельно требовалъ въ оплату произведеній для своего плохо шедшаго журнала *Москоиталия*; напрасно Николай Васильевичъ увѣрялъ, что у него нѣтъ ничего готоваго и что онъ не можетъ писать въ данное время, Погодинъ не допускалъ въ жизни автора такихъ періодовъ, когда тотъ не въ состояніи творить, и упрекалъ Гоголя въ неблагодарности.

Тяжелое настроеніе писателя проявилось только въ концѣ мая, съ появленіемъ давно желаннаго любителями словесности перваго тома *Мертвыхъ Душъ*. Успѣхъ ихъ, дѣйствительно, былъ дотошъ почти неслыханный въ Россіи,—все три тогдашнія литературные лагеря, имѣвшіе своими представителями Плетнева, Константина Аксакова и Бѣлинскаго, встрѣтили новое произведеніе Гоголя одинаково съ неподдѣльнымъ восторгомъ; по воспоминаніямъ Тургенева, „появленіе этого труда было для молодыхъ литераторовъ того времени событіемъ необычайной важности... Все были точно охвачены отъ восторга и изумленія... Сотни и тысячи гоголевскихъ фразъ и выраженій тотчасъ же стали всѣмъ извѣстны наизусть и пошли въ общее употребленіе“.

Но самъ авторъ не придавалъ такому восторженному отзывамъ очень большого значенія; онъ тотчасъ же, по выходѣ книги, опять началъ собираться въ Западную Европу, чтобы тамъ въ уединеніи продолжить свой трудъ, принимавшій въ его мечтахъ все болѣе и болѣе грандіозныя размѣры; теперь онъ началъ уже стремиться къ изображенію не только отрицательныхъ, но и положительныхъ типовъ, которые могли бы „показать его соотечественникамъ, каковы путемъ должны они достигнуть нравственнаго совершенства“.

Подобнымъ дидактическимъ стремленіямъ писателя, безъ сомнѣнія, давала благодарную почву его крѣпкая дружба съ А. О. Смирновой, въ то

время обратившейся къ религіи и искавшей въ ней утѣшенія отъ своей несчастливой семейной жизни. Николай Васильевичъ былъ съ ней вмѣстѣ въ Римѣ и въ Ниццѣ и предлагалъ ей въ ея жалобахъ на душевную горе религіозныя утѣшенія, заставлявшія его самого уходить все чаще въ область духовно-нравственныхъ вопросовъ; читая другъ другу сочиненія св. отцовъ Церкви, они вели между собою безконечныя разговоры о душевномъ усовершенствованіи и тѣмъ поддерживали въ себѣ религіозное настроеніе.

Замѣтивъ, какъ его наставленія ободряютъ и укрѣпляютъ другихъ людей, Гоголь, еще въ юности стремившійся приносить человечеству осязательную пользу, теперь задумалъ распространить свою проповѣдническую дѣятельность возможно шире и началъ посылать сначала роднымъ, а потомъ своимъ столичнымъ друзьямъ и знакомымъ, письма, проникнутыя религіозными поученіями и увѣщаніями; одушевляемый тѣмъ же желаніемъ „помочь ближнимъ“, онъ просилъ употребить часть денегъ, вырученныхъ отъ продажи его сочиненій, на раздачу бѣднымъ, а между тѣмъ его собственныя матеріальныя обстоятельства въ это время такъ сильно пошатнулись, что онъ былъ вынужденъ прибѣгнуть къ содѣйствію Смирновой и черезъ нее выхлопотать отъ Императора пособіе въ три тысячи рублей.

V.

Все шесть лѣтъ своего пребыванія за границей Гоголь провелъ въ переездахъ изъ одного города въ другой. За этотъ промежутокъ времени онъ побывалъ по нѣскольку разъ въ Парижѣ, Римѣ, Ниццѣ, Дрезельдорфѣ, Остенде и Франкфуртѣ, такъ какъ находилъ, что путешествіе дѣйствуетъ самымъ благотворнымъ образомъ на его здоровье и успокаиваетъ его болѣзненные нервы. Но въ концѣ 1844 года во Франкфуртѣ къ физическимъ страданіямъ писателя присоединилась еще такая сильная психондрія, что, по его признанію, „повѣсился или утопился казалось ему похожимъ на какое-то лѣкарство и облегченіе“. Въ періодъ этой ужасной тоски Гоголь сталъ все болѣе и болѣе отрицательно относиться къ своимъ прежнимъ произведеніямъ и даже высказалъ желаніе, чтобы все экземпляры его сочиненій сгорѣли, такъ какъ онъ наторилъ много глупостей и разлюбилъ ихъ.

Онъ не удовлетворился въ то время и строго обдуманнѣе, много разъ

передѣланнымъ вторымъ томомъ *Мертвыхъ Душъ*, который послѣ нѣкоторыхъ колебаній рѣшился предать огню; но какъ только рукопись ипечелилась, ему тотчасъ же представилось новое содержаніе ея, „возставшее, подобно фениксу изъ костра, въ свѣтломъ, очищенномъ видѣ“.

Параллельно съ этою работою надъ восстановленіемъ въ новомъ видѣ *Мертвыхъ Душъ* Николай Васильевичъ началъ писать другое произведеніе, озаглавленное имъ *Выбранныя мста изъ переписки съ друзьями*; сюда онъ включилъ, кромѣ писемъ, написанныхъ имъ раньше и имѣвшихъ, по его мнѣнію, благотворное вліяніе на адресатовъ, также нѣкоторыя статьи, подхвачившія къ намѣченной имъ цѣли „принести пользу всякому человѣку“.

Изъ письма автора къ Плетневу видно, что онъ самъ придавалъ этой перепискѣ громадное значеніе: „Ради Бога, пишите онъ, употреби все силы и мѣры къ скорѣйшему отпечатанію книгъ; это нужно, нужно и для меня, и для другихъ: словомъ, нужно для общаго добра“.

Но, увы, книга Гоголя была встрѣчена несочувственно не только въ литературныхъ кружкахъ, но даже и среди личныхъ друзей писателя. Тогдашніе читатели, привыкшіе видѣть въ Николай Васильевичѣ родоначальника и главу такъ-называемой натуральной школы, пришли отъ смиренно-проповѣдническаго тона *Переписки* въ негодованіе, причѣмъ Полевой и Булгаринъ подозрѣвали въ обличеніяхъ Гоголя, прининутыхъ религіознымъ духомъ, искусную ловушку, а молодежь, въ лицѣ Бѣлинскаго, сурово упрекая автора за то, что онъ не затронулъ общественной жизни и обратилъ главное вниманіе на внутренніе запросы человѣческой души, видѣла въ изданіи *Переписки* упадокъ таланта автора *Ревизора*.

Гоголь, хотя и не былъ лично знакомъ съ Бѣлинскимъ, но до того времени находилъ въ немъ всегда ревностнаго поклонника и разъяснителя его таланта, а потому повятно, что суровая рецензія критика произвела на него очень сильное, почти потрясающее впечатлѣніе; онъ попытался даже вступить по этому поводу въ личную переписку съ Бѣлинскимъ, но его полныя смиренія строки, въ которыхъ онъ сожалѣлъ, что „вдалека въ омутъ политической жизни, въ эти нутныя событія современности, среди коей и твердая осмотрительность многосторонняго ума теряется“, вызвали со стороны раздраженнаго отъ болѣзни критика лишь рѣзкое письмо, гдѣ онъ сообщалъ, что за

Переписку возмездіемъ Гоголя не меньше, чѣмъ челоука, покусившагося на его собственную жизнь.

Все эти факты нападки довели писателя до такого печальнаго состоянія, что въ письмѣ къ Аксакову онъ „удивляется, какъ у него еще не совсемъ закружилась голова, какъ онъ не сошелъ съ ума отъ всей этой безтолковщины; знаю только, добавляетъ онъ, что сердце мое разбито и дѣятельность моя отнялась. Можно еще вести борьбу съ самыми ожесточенными врагами, но храни Богъ всеваго отъ этой страшной битвы съ друзьями. Тутъ все изнемогаетъ, что ни есть въ тебѣ“.

Горячая вѣра въ Провидѣніе, хотя и помогла обезсидѣвшему въ борьбѣ писателю перенести неожиданно обрушившіеся удары, но не переставшіе ходить толки объ упадкѣ его таланта стали минутами казаться ему справедливы.

И вотъ, прежде чѣмъ выступить снова на литературномъ поприщѣ, онъ рѣшается предпринять путешествіе въ давно уже манившій его Іерусалимъ, надѣясь тамъ, у гроба Господня, очиститься отъ своихъ прежнихъ грѣховъ и „возстать съ обновленными силами, съ духомъ бодрымъ и освѣженнымъ возвратиться къ дѣлу и труду своему на добро землѣ своей“.

Страданія морскою болѣзью и неудобства сухопутнаго пути сильно расшатали здоровье Николая Васильевича, и это не могло не отразиться самымъ тяжелымъ образомъ на его душевномъ настроеніи.

„Еще никогда не былъ я такъ мало доволенъ состояніемъ сердца своего, какъ въ Іерусалимѣ и послѣ Іерусалима,—пишетъ онъ изъ Палестины,—у гроба Господня я былъ какъ будто за тѣмъ, чтобы тамъ, на мѣстѣ, почувствовать, какъ много во мнѣ холода сердечнаго, какъ много себялюбія и самолюбія“.

Разстроенное здоровье и эта душевная тоска тѣмъ не меньше не помѣшали писателю посѣтить все мѣста, великія для христіанина своими воспоминаніями, и онъ, между прочимъ, провелъ благоговѣнно ночь у гроба Спасителя и причастился тамъ Св. Таинъ, стоявшихъ на самомъ пробѣ вѣсто алтаря.

VI.

Изъ Іерусалима Гоголь пробѣжалъ черезъ Одессу въ Малороссію, чтобы провести все лѣто въ родной Васильевкѣ. Тамъ онъ мало занимался политическими вопросами, волновавшими въ это время всю Европу и о

которыхъ онъ получалъ подробныя извѣстія отъ услужливыхъ столичныхъ друзей; большую часть дня писатель проводилъ въ полѣ, въ саду или въ слушаніи украинскихъ пѣсенъ.

Когда же Николай Васильевичъ, оставивъ родину, прибылъ въ Москву, то онъ сразу окупился въ туманную сферу политическихъ и общественныхъ вопросовъ, которыми было взволновано тогдашнее общество. Но эта общія сумятица вызвала въ душѣ поэта, сильно тосковавшаго по прежнимъ литературнымъ кружкамъ, гдѣ не было рѣчи о живой современности, гдѣ произведенія разбирались главнымъ образомъ съ эстетической точки зрѣнія, — вызвала лишь недовольство читающею публикой. „Никакія рецензіи, пишетъ онъ, не въ силахъ засадить нынѣшнее поколѣніе, обмороченное политическими броженіями, за чтеніе свѣтлое и успокаивающее душу“.

Лѣто слѣдующаго 1849 года Гоголь провелъ у Смирновой въ Калугѣ, гдѣ ея мужъ былъ губернаторомъ. Тутъ онъ опять воспринялъ духомъ и вернулся къ литературной дѣятельности—каждое утро онъ проводилъ за работою, запершись во флигелѣ.

Осенью Николай Васильевичъ гостилъ въ подмосковной деревнѣ Аксаковыхъ и тамъ прочелъ первую главу втораго тома *Мертвыхъ Душъ*.

Вотъ что рассказывалъ въ послѣдствіи объ этомъ чтеніи Сергей Тимофеевичъ:

„18 августа, вечеромъ, Гоголь, сѣдя на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ, вдругъ сказалъ:

— Да не прочесть ли намъ главу *Мертвыхъ Душъ*?

„Сынъ мой, Константинъ, даже всталъ, чтобы принести ихъ сверху, изъ своей бібліотеки, но Гоголь удержалъ его за рукавъ и сказалъ:

— Нѣтъ, ужъ я вамъ прочту изъ втораго.

„И съ этими словами вытащилъ изъ своего огромнаго кармана большую тетрадь.

„Не могу выразить, что сдѣлалось со всѣми нами. Я былъ совершенно уничтоженъ. Не радость, а страхъ, что я услышу что-нибудь недостойное преніяго Гоголя, такъ смутилъ меня, что я совсѣмъ растерялся. Гоголь былъ самъ сконфуженъ. Ту же минуту все мы придвинулись къ столу, и Гоголь прочелъ 1ю главу втораго тома *Мертвыхъ Душъ*. Съ первыхъ страницъ я увидѣлъ, что талантъ Гоголя не погибъ, и пришелъ въ совершенный восторгъ. Чтеніе продолжалось часъ съ четвертью. Гоголь нѣсколько усталъ

и, осыпанный нашими искренними и радостными привѣтствіями, скоро ушелъ на верхъ въ свою комнату, потому что прошелъ часъ, въ который онъ обыкновенно ложился спать, то-есть 11 часовъ.“

Лѣтомъ 1850 года Гоголь опять жилъ въ Васильевкѣ, а зиму по слабости здоровья не рѣшился провести въ Москвѣ и отправился въ Одессу, гдѣ, судя по его письмамъ, окончилъ столь долго писавшійся второй томъ *Мертвыхъ Душъ*.

Рововую зиму 1851—1852 гг. Николай Васильевичъ проводилъ въ Москвѣ, куда онъ пріѣхалъ, чтобы поскорѣе приступить къ печатанію новаго тома этого произведенія. Никто изъ окружающихъ писателя не могъ подозрѣвать столь скорого конца, такъ какъ Гоголь, несмотря на расстройство нервовъ и повторившіеся припадки, былъ попрежнему здоровъ и веселъ.

Но въ концѣ января 1852 года, когда скоростижно умерла сестра его друга поэта Языкова, Гоголь, кромѣ естественной горести объ утратѣ близкаго челоука, охватилъ тотъ мучительный страхъ смерти, которымъ онъ страдалъ еще въ Римѣ. На маляницѣ, въ четвергъ, Николай Васильевичъ, подъ вліяніемъ отчасти строгихъ, аскетическихъ проповѣдей ржевскаго священника Матвія Константиновскаго, сурово порицавшаго Гоголя за его любовь къ Пушкину, рѣшилъ совершенно прекратить все свои литературныя занятія и прибѣгнулъ, усердно соблюдая за тѣмъ постъ. Въ одну изъ бессонныхъ ночей, проводимыхъ имъ по обыкновенію въ жаркихъ молитвахъ, ему вдругъ послышались голоса, говорившіе, что онъ скоро умретъ. Съ этихъ поръ мысль о скорой смерти уже не покидала его; приготовляясь ее встрѣтить, какъ подобаешь истинному христіанину, Гоголь просилъ гр. Толстого взять у него рукопись 2го тома поэмы, но тотъ отказался, боясь показать автору, что состояніе здоровья внушаетъ опасенія за его жизнь.

И вотъ, послѣ этого, въ три часа ночи, снова охваченный тѣгостію мыслью о томъ, что долгъ, возложенный на него Спасителемъ, исполненъ не такъ, какъ слѣдуетъ, и что его писаніе окажетъ на людей растлѣвающее вліяніе, писатель совершаетъ для своего послѣдняго лучшаго произведенія ужасное ауто-да-фе... Свѣчала онъ долго со слезами молился, потомъ, разбудивъ прислуживающаго ему мальчика, велѣлъ ему отк

крыть въ каминѣ трубу и положить въ каминъ связанна въ трубу бумаги; тщетно умолялъ Гоголь бросившійся предъ нимъ на колѣни слуга, не чечь его трудъ, чтобы не лалѣтъ потомъ, когда выздоровѣетъ.

„Не твое дѣло“, отвѣчалъ Гоголь, и зажечь рукописи... Когда огонь сталъ потухать, то писатель велѣлъ развязать тесемку, и самъ, съ молитвой на устахъ, ворочалъ бумаги, пока онъ не превратился въ пепелъ.

Такъ погибъ второй томъ *Мертвыхъ Душъ*, представлявшій, по мнѣн

ію замѣчанію Анненкова, „ту подлинническую келью, въ которой Гоголь бился и страдалъ до тѣхъ поръ, пока вынесли его бездыханнымъ изъ нея“.

Съ разсвѣтомъ ужасное ночное дѣло представилось Николаю Васильевичу совсѣмъ въ другомъ видѣ; онъ считалъ все сдѣланное кривыми злаго духа и горько жалѣлъ, что графъ не взялъ у него рукопись раньше. Послѣ этой трагической ночи Гоголь окончательно впалъ въ полное уныніе и, упорно отказываясь отъ всякаго лѣченія, проводилъ все время за чтеніемъ Евангелія; одинъ только день онъ почувствовалъ себя значительно легче, но вскорѣ съ нимъ сдѣлался страшный припадокъ нервной горячки, — и въ четвергъ первой недѣли Поста, 21 февраля, Гоголя не стало.

На отбываніи тѣла, происходившемъ въ церкви Московскаго Университета, какъ и на погребеніи, присутствовала громадная толпа народа. Бранные останки писателя были опущены въ землю въ Даниловомъ монастырѣ, близъ могилы поэта Языкова. На надгробномъ памятникѣ великаго писателя высѣчены столь зрѣко и вмѣстѣ съ тѣмъ кратко характеризующія его литературную дѣятельность слова пророка Іереміи: „Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся.“

Въ теченіе протекшихъ пятидесяти лѣтъ огромное значеніе отца „натуральной школы“ стало общепризнаннымъ. Новые великіе литературные таланты, вскорѣ родившіеся на нивѣ, всаханной трудами Пушкина и Гоголя, именую Тургеневъ, Достоевскій, Островскій и Толстой, брали, правда, явленія и образы, еще не затронутые родоначальниками нашей современной литературы, но творенія нынѣ чествуемаго геніальнаго создателя *Мертвыхъ Душъ* и *Ревизора*, безъ сомнѣнія, на долгіе годы останутся свѣжимъ, мощными, поражающими глубокимъ психологическимъ анализомъ и высокохудожественною отдѣлкой.